

Бобби Пайрон

Стая

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2012

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

Пайрон Б.

Стая / Б. Пайрон — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2012

Мишке было пять лет, когда мама исчезла, а отчим выгнал его из дома. Так маленький мальчик оказался на улицах большого города. Не имея ни теплой одежды, ни возможности добыть себе пропитание, он мог погибнуть, но стая бездомных собак спасла его. Они стали для него новой семьей и дали то, чего ему так не хватало, – любовь и заботу. Живя в лесу, в норе под деревом, со своей стаей, ребенок был счастлив, но зимой приходилось возвращаться в город, который таил в себе гораздо больше опасностей, чем самый дремучий лес...

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

© Пайрон Б., 2012
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2012

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	26
Глава 12	29
Глава 13	31
Глава 14	35
Глава 15	38
Глава 16	41
Глава 17	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Бобби Пайрон

Стая

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:

Pyron B. The Dogs of Winter: A Novel / Bobbie Pyron. – New York: Scholastic, 2012. – 316 p.

© Bobbie Pyron, 2012

© Bagram Ibatoulline. All rights are reserved. Used by permission of Scholastic Inc, обложка, 2012

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2014

* * *

Часть 1

Глава 1 Сны

Мне снятся псы. Снятся их теплые мягкие тела, согревающие меня. Снятся их мускусный запах, который успокаивал меня долгими страшными ночами. Снятся их влажные языки, их острые зубы, их теплые носы, их глаза. Понимание в их взгляде. Псы всегда смотрели на меня.

Иногда мне снится, что мы бежим, я бегу со своими псами, мы бежим по пустым улицам и заросшим паркам. И наш бег исполнен радости и свободы, мы никогда не устает, никогда не чувствуем голода. А затем псы расправляют свои огромные крылья и поднимаются над землей, они парят в вышине, а я плачу, я зову их, я умоляю их не бросать меня одного, сжалиться надо мной, бескрылым.

Прошло много лет с тех пор, как я жил с псами, но мне по-прежнему снятся сны о них. Мне не видятся долгие ночи, проведенные на улице, когда в России бушевала зима. Мне редко снятся события, из-за которых я потерял свой дом. Мои сны принадлежат псам.

Глава 2

Прежде

Прежде чем *он* появился, я любовался своей прекрасной мамочкой.

Я смотрел, как она стоит возле раковины на кухне и ее белоснежные руки мелькают в брызгах горячей воды, пока она моет посуду и напевает.

Я смотрел, как она вешает белье на нашем крохотном балкончике: мама закрепляла прищепкой один край платя, а вторую тем временем держала в зубах. Я подавал ей по две прищепки.

– Ты так помогаешь мне, Мишка, Медвежонок мой, – говорила она.

Прежде я часто сидел на коленях у бабушки Инны, слушая, как она поет старые песни. Бабушка баюкала меня, раскачиваясь в кресле взад-вперед, взад-вперед.

Каждое утро мы с бабушкой Инной спускались по длинному пологому склону холма и шли в садик. Маме нужно было уходить в пекарню задолго до восхода солнца. В садике я сидел за деревянной партой и учил буквы. Я знал, как сложить из кубиков с буквами слова «кошка» и «мышка». А еще воспитательница говорила мне, чтобы я не заглядывался на птичек за окном.

Вечером мы с мамой поднимались по длинному пологому склону холма и шли домой. Бабушка Инна варила мое любимое блюдо – щи. А я тем временем учил буквы и слушал, как мама поет.

Прежде бабушка спала с мамой в одной комнате, а у меня была своя кроватка в гостиной. Каждый вечер мама читала мне сказки.

Так было всегда. Я, мама и бабушка Инна. И я думал, что так будет всегда.

Глава 3

Потом

Стояло теплое весеннее утро. Мама встретила меня перед садиком. Глаза и нос у нее были красные.

Мама опустила передо мной на корточки и крепко-крепко прижала меня к себе.

– Что случилось? – спросил я.

– Ее больше нет, Мишка, – всхлипнула мама. – Твоей бабушки больше нет.

Я не понимал, почему моя мама плачет. Иногда бабушка Инна садилась на поезд, чтобы отправиться в Большой Город, в гости к своей двоюродной сестре. Однажды я даже ездил вместе с ней.

– Она уехала в Город, – заверил я маму и погладил ее по щеке.

– Нет, Мишка, – сказала мама. – Твоя бабушка отправилась на небеса.

После того как бабушка Инна отправилась на небеса, мама начала забывать.

Она забывала помыть посуду. Забывала, в какой день стоять в очереди за макаронами, а в какой – за хлебом.

Она плакала и плакала. Она забывала снять одежду перед сном. Забывала читать мне на ночь. Я забирался к ней в кровать. Я все еще чувствовал запах бабушки в комнате.

Мама забыла слова бабушки о том, что лить слезы в еду – плохая примета. Слова бабушки о том, что водка и пиво – это плохо. Мама сидела за столом на кухне, плакала, курила и пила.

Она больше не пела.

Мама забывала о том, что нужно водить меня в детский садик. Иногда она забывала ходить на работу. Иногда я ложился спать голодным. Иногда я ложился спать один, потому что вечером мама уходила к своим друзьям в поселок.

Я смотрел, как она сидит у зеркала, прихорашиваясь перед свиданием. Губы она красила алым, а на веки наносила голубые тени.

– Какие мне сегодня надеть, Медвежонок? – спрашивала она, показывая мне две пары сережек.

Мама напевала, надевая ярко-красное пальто с блестящими черными пуговицами. А потом она опускалась передо мной на корточки и обнимала меня.

– Будь хорошим мальчиком, Мишка. Запри дверь и никому не открывай.

Если бы я знал, что *он* придет, я никогда не открыл бы дверь.

Никогда.

Я помню его лоснящиеся штаны и потертые сапоги в дверном проеме.

Мама подтолкнула меня вперед.

– Мишка, скажи «привет».

– Привет, – сказал я.

Он вручил маме букет цветов и нагнулся ко мне. У него было удивительно узкое лицо.

– Так вот он, хозяин дома, да? Мелкий какой, точно таракан.

От него несло так, что мне захотелось зажать нос.

– Пожмите друг другу руки, – потребовала мама, подтолкнув меня еще раз.

Он сильно сжал мою ладонь.

– Не волнуйся, Аня, – сказал он. – Нам с мелким хватит времени, чтобы познакомиться. – Он широко улыбался, но его глаза оставались холодными.

Так-то все и началось.

Этот злой дядька водил маму гулять. А мне купил приемник, чтобы мне не было скучно.

– Это радио, – похвастался я маме. Покрутив ручки, я приложил радиоприемник к уху. – Я могу слушать, как люди поют и разговаривают.

– В России больше никто не поет, – хмыкнул он.

– Почему? – спросил я.

– Потому что все слишком бедные, мелкий. А бедные люди не поют.

– Но мы не бедные, – возразил я.

Он расхохотался, запрокинув голову, а мама обняла меня.

– Нет, не бедные, Медвежонок.

Вскоре он позабыл о том, что нужно уходить домой. Он оставался в нашей квартире со своими сигаретами, водкой и сношенными сапогами. Оставался у мамы в кровати.

– Ты слишком большой, чтобы спать в одной кровати с мамой, – заявил злой дядька. – Только младенцы спят в кроватке с мамой. А ты ведь не младенец, так, Мишка?

Я покачал головой.

– Мне уже пять.

Он бросил мое любимое одеяло и мою книжку сказок на кровать в гостиной.

– Но маме нужно, чтобы я был рядом с ней ночью, – сказал я, теребя край рубашки.

Мама уберет его сапоги от своей кровати, когда вернется с работы. Она переложит мое одеяло обратно в комнату. Я был уверен в этом.

Приходя с работы, мама всегда приносила буханку черного хлеба, картошку и капусту для супа. А еще мама всегда приносила мне гостинец – ватрушку.

Но тем вечером мама вернулась с пустыми руками. И она была очень расстроена.

– Меня уволили, – сказала она.

– Это как же? – Его черные глаза сверкнули. – Что же мы теперь будем есть?

– Может, ты...

Он влепил ей пощечину. Я еще никогда не видел, чтобы мою маму били. Я думал, что мама даст ему сдачи. Однажды в поселке один мальчишка стукнул меня, и тогда мама схватила этого хулигана за воротник и хорошенько его встряхнула. Тогда глаза того мальчишки распахнулись широко-широко. И он убежал со всех ног.

И *этой* убежит.

Но мама не схватила его за воротник. Она не встряхнула его так, чтобы у него зубы клацнули. Она лишь прижала ладонь к щеке и прошептала:

– Прости меня.

Потом они сидели в гостиной, пили, курили, смеялись и ссорились.

Ему не нравилось, что я сижу в углу.

– Он опять пялится на меня, Аня! – жаловался злой дядька. – Почему он все время смотрит на меня?

Тяжело прошагав по комнате, он стянул меня с кровати, схватил мое одеяло и книгу и забросил их в шкаф на кухне.

– Ну вот. – Он отряхнул ладони, будто избавляясь от грязи. – Теперь ты будешь спать здесь.

Мама стояла за его спиной, заламывая руки.

Я забрался в шкаф и свернулся калачиком на одеяле. Моя книжка со сказками лежала на пыльной полке. Возле книжки виднелись круги, оставшиеся от банок с консервацией. У нас больше не было таких банок. После всех этих дней и недель прекрасная золотая Жар-птица на обложке покрылась слоем жира. На другой полке лежала стопка бумаги и мой любимый карандаш. Когда я не мог уснуть от холода и злости, я рисовал. Рисовал Жар-птицу,

страшную ведьму Бабу-ягу, избушку на курьих ножках, рисовал живых кукол, великанов и крылатых волков.

Я слышал их голоса за дверцей шкафа.

– Почему ты не понимаешь, что в приюте ему будет лучше?

– Я не могу его отослать.

– Ты и себя-то прокормить не можешь, – говорил он. – Кроме того, он мне не нравится.

Он странный.

– С ним все в порядке.

Звон бьющегося стекла.

– Или он, или я, Аня.

– Нет! Умоляю, не проси меня...

Звон – опять что-то разбилось. Шарканье сапог по полу.

– Глупая женщина!

Пощечина.

– Нет!

Звон. Вопль. Глухой стук. Стон. Тишина.

Глава 4

Пуговица

Пол на кухне был холодным, и холод добрался до меня сквозь гору одеял. Я дрожал, глядя, как дыхание паром вырывается из моего рта. Я был драконом. Жар-птицей. И я точно не был этим вонючим крикуном, который выдувал сигаретный дым через ноздри.

Я вытащил из-под одеяла приемник и выдвинул блестящую серебристую антенну.

– ...Тысяч безработных, бездомных, голодающих. Алкоголизм разъедает саму структуру нашего общества...

– Но я не бездомный и не голодающий, – сказал я радиоприемнику. – У меня есть мама, одеяло и щи.

Да, теперь у нас не было хлеба и сосисок, остались только щи. И мама уже много недель не ходила на работу. Но она все еще улыбалась (хотя и не так часто, как раньше). И называла меня Медвежонком.

Я выключил радио, сложил одно одеяло, затем второе – точно так же, как первое. Я надел кроссовки – такую обувь носили знаменитые баскетболисты. Эти кроссовки мама и бабушка Инна подарили мне на прошлый Новый год. Теперь мои пальцы упирались в носки кроссовок, и я уже не мог шевелить ими.

Я выглянул из шкафа, прислушался и принялся. Может быть, мама варит кашу? Может, она плачет? Может, он кричит на нее, обзывает тупой ленивой коровой? Или он ушел? Иногда после такого скандала, как прошлой ночью, он уходил. И на время все становилось, как раньше: каша на завтрак, улыбка на губах мамы... «Постой со мной в очереди за хлебом», – говорила она. Или: «Давай учиться читать». Или: «Расскажи мне сказку, Медвежонок».

Я услышал, что в гостиной работает телевизор. Похоже, показывали каких-то злых людей. Я почуял запах сигарет.

Я выглянул в гостиную.

– Ну вот. Тараканище наконец-то выполз из своей норы.

Злой дядька валялся на диване; я увидел его мерзкие босые ноги и стакан на пузе.

– Где моя мама? – Я покосился на дверь спальни.

Он не отвел взгляда от экрана телевизора.

– Ее нет, – сказал он.

Мое сердце сильно забилося в груди.

– Когда она вернется? – прошептал я.

Он отвернулся от телевизора и смерил меня взглядом. Наверное, так кошка смотрит на мышь.

– Никогда.

Я ждал, я прислушивался, я высматривал свою мамочку.

Я прислушивался, надеясь, что ее каблуки застучат по полу в коридоре. Я смотрел очень-очень внимательно, чтобы не пропустить ее красное пальто.

Вечером он ушел, а я принялся обыскивать квартиру. Если она взяла вот это – она вернется через неделю. Если взяла то – вернется завтра.

Все лежало на своих местах. Не было только мамы. И ее красного пальто. Она исчезла. И ее пальто исчезло. Наверное, мама отправилась на поиски картошки и сосисок к щам. Или она искала новый дом для нас. Дом вдали от него.

Я заметил, как что-то блеснуло за мусорным ведром в спальне. Я опустился на четвереньки, отодвинул бумажные обертки и пустые бутылки... Там лежала пуговица от ее

пальто. Я поднял пуговицу и подставил ее под лучи света, поглаживая черную блестящую поверхность. На том месте, где лежала пуговица, я увидел красное пятно. Не такое, как мамино пальто. Нет, пятно было темным, бордовым, тошнотворным. Я коснулся его пальцем. Пятно, казалось, пульсировало. Оно звало меня...

– Ты чего там копаешься, тараканище?

Я отвернулся от шепчущего, пульсирующего красного пятнышка и посмотрел на злого дядьку.

Он пнул меня носком сапога.

Я показал ему пуговицу.

– Это пуговица от ее пальто. От ее красного пальто.

– И что с того? Кому какое дело?

– Она любит это пальто. – Я пошел за ним на кухню. – И любит эти пуговицы.

Она не ушла бы в пальто без пуговицы.

Злой дядька вытащил кусок сыра из холодильника и хлопнул дверцей. У меня заурчало в животе. Потекли слюнки. Я сжал пуговицу в руке.

Он посмотрел на меня, жуя сыр. Зубы у него были темными, гнилыми.

– Как ты думаешь, где твоя мать? – Он склонил ухо к плечу.

Я покачал головой.

Пришлепнув губами, он рыгнул. Я рассмеялся. Мама не позволяла мне издавать такие звуки.

– Я думаю, – сказал он, – твоя мать отправилась в город.

– Но почему она ушла без меня? – нахмурился я.

Он открыл бутылку.

– Кто знает, почему бабы делают то, что делают. Ты мелкий таракан, а она ленивая тупая корова.

Я расправил плечи. Я сжал блестящую черную пуговицу так сильно, что она врезалась мне в ладонь.

– Она не ленивая и не тупая! Это ты такой!

Моя голова ударилась о пол кухни. Вокруг падали звезды.

Глава 5

Город

На следующее утро злой дядька сказал:

– Надень куртку и шапку. Мы уходим.

– Куда уходим? – испугался я. – Ты ведешь меня к маме? – Я скovyрнул запекшуюся кровь с уха.

Хмыкнув, он затушил сигарету в умывальнике на кухне.

– Мы поедем в город.

– Но моя мама...

Он замахнулся, и я отпрыгнул, ударившись о стул.

– Хватить болтать о своей матери. Просто бери куртку, и пойдем.

Я шел за ним к железнодорожной станции, отставая на шаг. В очереди за хлебом, кутаясь в пальто, шали и шарфы, стояли какие-то женщины.

Я все высматривал красное пальто. Мама увидит, как я топаю за этим злым человеком. Она подбежит ко мне, отведет в сторонку. Я покажу ей пуговицу. Мама обнимет меня и скажет: «Молодец, Мишка. Мой чудесный малыш». И мы его больше на порог не пустим.

Злой дядька схватил меня за шиворот.

– Поторапливайся, пацан, – рявкнул он.

Мне хотелось убежать, убежать как можно дальше. Как можно быстрее. Его пятерня сжалась на моей шее, и он втолкнул меня в дверь, ведущую в здание вокзала.

– А ты знаешь, где мама в Городе? – спросил я.

– Ну конечно.

Огромный светящийся глаз моргнул в конце туннеля – то был глаз гигантского чудовища, несущегося в нашу сторону, шипящего, визжащего чудовища. Я схватил его за руку.

Он отдернул пальцы.

– Прекрати вести себя как трусливая девчонка!

Я чуть не рассмеялся: никакое это было не чудовище. Это был просто поезд.

Войдя в вагон, он усадил меня на твердое сиденье.

Когда-то я уже ездил в таком поезде с бабушкой Инной. Она держала меня на коленях, а я смотрел, как проносятся мимо дома нашего поселка.

Злой дядька закурил сигарету и развернул газету, а я сидел и смотрел, как наш поселок становится все меньше и меньше.

– Проснись. – Он встряхнул меня за плечо. – Пойдем, мелкий. У меня мало времени. – Он рывком поднял меня на ноги.

Мы вышли из вагона на платформу и двинулись мимо киосков. На вокзале торговали едой – жареными орешками, сосисками, печеной картошкой, завернутой в газету. У меня опять заурчало в животе.

– погоди! – крикнул я ему в спину.

Его куртка давно уже прохудилась.

Он не обернулся.

Повсюду на вокзале сновали люди. Кто-то спешил на поезд, кто-то – с поезда. Люди тащили сумки, чемоданы и тюки. Они не смотрели налево, не смотрели направо. Не смотрели на меня.

– погоди!

Наконец он остановился.

– Моя мама тут? – спросил я.

Он расхохотался.

Я так и думал. Мама переехала в Город. У нее теперь хорошая работа и теплая квартира, там много еды, там есть вкусные ватрушки. И когда я подойду к двери своей новой квартиры, мама обнимет меня.

А потом захлопнет дверь прямо перед его носом.

Схватив меня за руку, злой дядька потащил меня по ступенькам. Я споткнулся, упал, оцарапал колено. Но мне было все равно. Скоро я встречу с мамой, и все будет так, как и должно быть.

Мы вышли на свежий воздух. Светило солнце, подмораживало. Снежинки кружились в воздухе и мерно оседали ему на плечи, оседали на носки его коричневых сапог. Он закрутил головой.

– Ну и где она? – проворчал он.

Я посмотрел на него и улыбнулся. Он отвел меня к маме. Может, не такой уж он и плохой.

– Спасибо, – сказал я.

Мы стояли и ждали. Падал снег. Он выкурил одну сигарету, потом другую. Я высматривал красное пальто и гладил черную пуговицу в кармане.

Через какое-то время к нам подошел очень грязный мальчишка. На нем не было ни куртки, ни шапки, ни обуви. Мама никогда не позволила бы мне так запачкаться. И она уж точно не выпустила бы меня на улицу без куртки, без ботинок, без шапки. Особенно без ботинок.

Мальчик дернул его за рукав и протянул к нему покрытую толстым слоем грязи ладошку.

– Пожалуйста... – заныл он.

Я даже не успел задуматься о том, что этому мальчику нужно.

Мужчина влепил ему оплеуху.

– Пшел вон, мерзкий нищеброд! Иди доставай кого-нибудь еще!

Мальчишка сердито уставился на меня, а потом плюнул мне на кроссовки.

– Ну наконец-то. – Дядька затушил сигарету и обмотал шарфом горло. – Пойдем. – Он схватил меня за руку.

Я плелся рядом с ним, высматривая красное пальто. Высматривая мамину улыбку, ее каштановые волосы, ее раскрытые объятия, ее руки – точно крылья ангела.

– Где она? – спросил я, усердно перебирая ногами, чтобы не отставать. – Где?

– Вон, – сказал он.

Я замер на месте. Женщина, которая шла к нам навстречу, не была моей матерью. На ней было черное пальто, из-под коричневой шали выбивались седые волосы. Она зябко обхватила руками плечи и выпятила и без того пышную грудь.

– Это тот самый мальчик? – Она смотрела на меня без улыбки.

Я перевел взгляд с этой неулыбчивой женщины на мужчину. Может, она мамина подруга?

– Вы отведете меня к маме? – спросил я.

Женщина нахмурилась.

– Ты вроде сказал, что у него нет родителей! – рявкнула она.

У нее были маленькие пороссячьи глазки – в точности такие, как у Бабы-яги на рисунке в моей книжке со сказками.

– Он совсем малой, – заявил мужчина. – Ничего не знает.

Насупившаяся женщина вздохнула.

– Большинство детей в приюте ничего не знают. По крайней мере, о том, что произошло с их родителями.

Приют. Когда я услышал это словечко, у меня словно холодный камень на дно желудка упал. Однажды я видел в новостях репортаж о городских приютах. В этих приютах дети не улыбались. У них не было мам. Они плакали. И были почти такими же грязными, как мальчик-попрошайка, который подошел к нам сегодня. Почти, но не совсем.

– Мне нельзя в приют, – объяснил я им. – Мама не будет знать, где меня искать.

– Мама и так тебя не ищет, – отрезал злой дядька.

– Нет, ищет! – возразил я.

Женщина в пальто – черном пальто, оно было черным, а не красным, – схватила меня за плечо.

– Пойдем, малыш. Пора идти.

– Нет! – Я дернулся в сторону, но ее пальцы сжимали ткань моей курточки, словно когтистые пальцы ведьмы.

Мне почудилось, будто в этот момент я услышал мамин голос: «Беги, Мишка, беги!»

Мне удалось вырваться, и я лихорадочно закрутил головой. Я искал красное пальто. Вокруг было много людей в зеленых куртках, голубых куртках, серых куртках и много, очень много людей в черных пальто.

Мужчина схватил меня за руку.

– Пойдем, малой.

И тогда я наконец увидел то, что искал. Красное пальто. Я вырвался из его хватки, моя курточка осталась у него в руках. «Беги, Мишка, беги!»

И я побежал. Я бежал со всех ног. Я еще никогда не бежал так быстро. Я видел, как женщина в красном пальто спускается вниз по ступеням вокзала. Я метался в толпе спешащих людей, высматривая красное пальто. И вот я заметил его – женщина стояла перед поездом. Красный цвет направлял меня, точно маяк.

Сжимая пуговицу в кармане, я принялся проталкиваться сквозь толпу – коричневую толпу, черную толпу, серую толпу. Я отчаянно старался не выпустить маму из виду. Коричневая, черная, серая волна внесла меня в поезд.

Я заметил крохотную фигурку в красном пальто. Каштановые волосы выбились из-под синего платка. Она сидела в передней части вагона. Я проскользнул вперед, плутая в густом лесу ног, я коснулся красного рукава, протянул пуговицу и улыбнулся.

Поезд притормозил. Меня отбросило назад, в море коричневого, и черного, и серого.

– Осторожно! – сказал кто-то, поднимая меня на ноги.

Я заглянул в лицо женщины в синем платке. У нее были черные волосы. Черные, а не каштановые. Женщина не улыбалась. Ее пальто даже не было красным.

Это была не моя мама.

Глава 6

Шайка

Поезд затормозил.

– Ленинградский вокзал, – объявил голос из громкоговорителя.

Я выпрямился, протер глаза и встал с пола в вагоне. Коричневая, черная, серая волна вынесла меня из поезда, и я очутился в ярко освещенном зале. Был тогда день или уже настала ночь? Я не знал этого. В подземном мире туннелей не было никакой разницы.

Я двинулся за толпой вверх по лестнице, миновал турникеты, прошел по коридору и оказался на улице.

Холод ударил мне в лицо. В ночном небе сияли звезды. Я поднял руку, чтобы надвинуть шапку на уши. Но у меня не было шапки. И куртки тоже не было. Мужчина стянул ее с меня, когда я убежал.

Я сунул руки в карманы и оглянулся. Мне хотелось увидеть что-нибудь знакомое. Но я не видел пекарни, не видел мясной лавки, где мама покупала кости для бульона, не видел нашего дома на вершине пологого холма.

Я дрожал на ветру.

Потом я повернулся и спустился на станцию. Там всегда было светло. И не так холодно. Под длинной лавкой я заметил вентиляционное отверстие. Оттуда шел теплый воздух. Я забрался под лавку и свернулся клубочком у решетки, просунув туда пальцы. Я думал о том, как красное пальто оказалось не красным. В какой-то момент я заснул.

* * *

Проснулся я оттого, что кто-то схватил меня за ногу.

– Почти получилось!

Я дернулся, вырывая ногу, и ударился головой о лавку.

Узкое грязное лицо.

Глаза-бусинки.

Огромная крыса пыталась сожрать мою ногу!

Я отпрянул в ужасе и попытался сжаться в комочек.

Ко мне потянулась чумазая рука.

Это была не крыса! Это был мальчишка!

Рядом с первым показалось второе лицо. Огромный кровоподтек оттенял черные глаза.

– Смотри, он похож на медвежонка, устроившегося в своей берлоге! – Этот голос звучал сипло. Девчонка, произнесшая эти слова, протянула мне руку. – Вылезай оттуда, Медвежонок.

Я перевел взгляд с девочки на мальчишку, похожего на крысу. Она назвала меня Медвежонок. Мама называла меня так.

– Ты видела мою маму? – спросил я у девочки. – Она меня ищет.

– Ага, точно, – хохотнул мальчишка, похожий на крысу. – Все наши матери нас ищут.

Девочка пихнула его локтем под бок.

– Заткнись, Витя, – осадила его она. – Ты потерял маму в поезде? – Девочка заглянула ко мне под лавку.

– Я потерял ее раньше. – Я покачал головой.

Девочка кивнула.

– Ты давно ее видел?

– Мама ищет меня! – Я сморгнул слезинку.

Девочка вновь протянула мне руку.

– Мама не найдет тебя, если ты будешь прятаться под лавкой, – сказала она. – Вылезай, Медвежонок.

У лавки стояло четверо ребят. Я не мог понять, сколько им лет. Их мамы одевали их в обветшалую одежду, которая к тому же была им либо мала, либо велика. И все-таки где дети, там есть и взрослые. Взрослые скажут мне, как найти маму.

– Меня зовут Таня, – представилась девочка, назвавшая меня Медвежонком. – А это Витя. – Она указала на мальчика, похожего на крысу.

Девочка в бейсболке ткнула себя пальцем в грудь.

– Я Юля. Я зарабатываю денег больше, чем все остальные. – За ухо у нее была заложена сигарета. – А этот торчок – Паша. – Она указала на смуглого мальчика. Глаза у мальчика были странные, точно затуманенные.

– А меня зовут Миша, Михаил Андреев, или просто Мишка. Мне пять лет. – Я выпрямился, стараясь казаться повыше в своих кроссовках. – И мне нужно найти маму.

Похожий на крысу Витя рассмеялся, махнув рукой.

– Мы все потеряли матерей, глупый.

– Откуда ты знаешь? – возмутилась Таня. – Может, мать его действительно ищет. Если мы приведем его домой, она даст нам денег.

– Я не верю в матерей, – отрезал Витя. – Никакая мать его не ищет. И он слишком маленький, мы не можем взять его к себе.

Я спросил у него, как можно не верить в матерей. У всех есть мамы, даже у самых вредных и самых грязных детей. Я рассказал ему о красном пальто и о черной пуговице, о том, как мама читала мне сказки каждый вечер, как все изменилось, когда бабушка Инна отправилась на небеса, как мама начала забывать, как *он* появился в нашем доме...

А потом в тени что-то зашевелилось.

– Как всегда, Виктор, твой хилый жалкий мозг ограничивает твоё воображение, – медленно процедил кто-то, стоявший в тени.

Мальчик, похожий на крысу, вспыхнул. Его глаза нервно забегали.

– Он полезен нам именно тем, что мал. – Этот кто-то вышел из тени, выдувая из ноздрей сигаретный дым.

Ребята замолчали, отпрянув от меня. Мой палец елозил по черной пуговице в кармане, вновь и вновь.

Затушив сигарету на полу, парень подошел поближе. Взяв за плечо, он рассмотрел меня со всех сторон.

– Сколько тебе лет? – рявкнул парень.

– Пять, – прошептал я.

Кивнув, он ущипнул меня за предплечье.

– Ты мелкий для своих лет. Так даже лучше. А эти твои карие глазищи растопят сердце любой дамочки.

На нем была милицмейская шинель. Да, вся истрепанная. На ней отсутствовали пуговицы, зато виднелось много грязи. Его штаны и башмаки были не такими, как у милиционеров. Но мама всегда говорила мне, что милиционеры должны помогать людям.

– Я потерялся, – сказал я. – И я хочу есть.

– И что? – Он прищурился.

– Мне нужно найти маму. Она волнуется за меня.

Он плюнул на пол.

– Я что, на милиционера похож?

– Похож. – Я улыбнулся. – Мама всегда говорила мне, что, если я потеряюсь, нужно обратиться к милиционеру. Вот я к вам и обращаюсь. – Я улыбнулся еще шире.

Девочка, которая назвалась Юлей, расхохоталась:

– Рудик – мент, Рудик – мент!

Остальные подхватили ее смех:

– Рудик – мент, Рудик – мент!

Я повернулся к Тане.

– Пожалуйста, – попросил я. – Отведи меня к себе домой. Твоя мама все поймет.

Таня прижалась к Рудику, он приобнял ее за плечо, а второй рукой обвел все вокруг: высокие арки, грязные колонны, одетых в лохмотья детей, недавно сошедших с поезда пассажиров, нищих, спящих на твердом холодном полу, – руки вытянуты, ладони открыты, они просили подаяние даже во сне.

– Ты видишь тут матерей? – осведомился он. – Видишь?

Я отвел взгляд от злых серых глаз Рудика и посмотрел на Таню. Она прижалась щекой к его плечу, на ее лице я увидел сочувствие.

– У нас нет матерей, Мишка. И *это* наш дом.

Глава 7

Осень 1995 года

– Вот что мы сделаем, – сказала Таня, ведя меня вверх по ступеням в мир над подземельем вокзала. – Мы скажем, что ты мой младший братик. Мой младший братик болен. И нам нужны деньги, чтобы купить тебе лекарство.

– Но это неправда, – нахмурился я. – Я не твой младший братик. Мама говорила, что обманывать нехорошо.

– Ты никогда не играл в притворяшки, Мишка?

Я кивнул, хотя на самом деле никогда не слышал о такой игре и ни с кем в нее не играл.

– Итак, вот что мы сделаем. Мы будем играть в притворяшки. Мы притворимся, будто мы брат и сестра. И ты болен. Могу поспорить, ты отлично сможешь притвориться, будто ты болен.

Я сжал руками живот и застонал.

– Отлично, отлично! – Таня захлопала в ладоши. – А теперь покашляй.

Я зашелся в приступе кашля и сплюнул на землю.

– Вот так?

Таня обняла меня.

– Да, вот так.

– А если я буду здорово играть в притворяшки, хорошо-хорошо, ты поможешь мне найти маму?

– Конечно, Мишка. – Она потрепала меня по голове.

И вот, выйдя на холодные улицы Большого Города в этот хмурый осенний день, я начал притворяться. Я сжимал руками живот, я стонал, я кашлял, я плевал. Я плакал, а Таня хватала прохожих за полы пальто и ручки сумок:

– Пожалуйста, помогите нам, – умоляла она. – Мой младший братик болен, и нам нужно лекарство.

Многие из прохожих бросали монеты в ее вытянутую руку, но никто из них не остановился. Вскоре монеты зазвенели в кармане Таниной курточки.

Какой-то мужчина сунул Тане в руку не монетку, а купюру:

– Купи ему куртку, Бога ради...

Какая-то женщина подарила нам по желтому воздушному шарiku на веревочке.

И никто не спросил, где наша мама.

К вечеру я так проголодался, что больше уже не мог играть в притворяшки.

– У нас уже много денег. Мы можем купить на ужин все, что захотим, – сказал я.

Таня побряцала монетами в кармане.

– Мы не тратим деньги на еду, глупыш, – улыбнулась она. – Мы тратим их на то, чтобы стать счастливее.

– Я стал бы очень счастливым, если бы поел, – возразил я.

– Мы ворует еду. Это легко.

Я раскрыл рот от изумления.

– Я не могу воровать. Воровать плохо.

– Это еще почему? – пожала плечами Таня.

– Потому что мама так говорит.

Глаза Тани остекленели. Она повернулась ко мне и влепила мне пощечину.

– Проснись, Мишка. Ты видишь тут свою маму? Видишь тут *мою* маму? Юлину, Витину, Пашину маму?

Вытирая слезы, я покачал головой.

Затем Таня смягчилась.

– Прости меня. – Она погладила меня по голове. – Но ты должен привыкать. У нас тут свои правила. И главное правило – делай все возможное, чтобы выжить. Если для этого нужно воровать, мы ворует. Если для этого нужно лгать, мы лжем. Понимаешь?

Таня уперла руки в бока, в точности так, как делала моя мама, когда отчитывала меня.

– Ну ладно, – сжалась она. – Я раздобуду тебе еду.

Она обвела взглядом площадь перед вокзалом. Люди сидели на скамейках, подставив лица осеннему солнышку. У многих были при себе бумажные пакеты.

Таня указала на толстяка, сидящего возле фонтана.

– Видишь? Тому мужику явно нужно много еды, чтобы набить свое толстое брюхо.

Я кивнул. Конечно, если бы этот мужчина знал, что я потерялся и хочу есть, он поделился бы со мной обедом.

Таня опустила руку мне на плечо.

– Так, план такой: ты притворишься, будто играешь в фонтане, ладно? Ну, сыграем в притворяшки, да?

Я кивнул.

– Подберешься к этому мужику поближе и хорошенько окатишь его водой.

– Но тогда он разозлится, – возразил я. – И не поделится с нами своим обедом.

Таня закатила глаза.

– О господи, какой же ты глупыш! В том-то и дело, что нужно его разозлить. Настолько, чтобы он погнался за тобой. – Таня ухмыльнулась. – И в этот момент я стащу его обед.

Я посмотрел на Таню и на толстого дяденьку, сидевшего рядом с большим фонтаном. Коричневый пакет у его ног был таким же пухлым, как и его живот.

Толстый дяденька хорошо нас накормил. Мои кроссовки промокли. Мои штаны промокли. Я дрожал от холода, слизывая с пальцев остатки соуса. Теперь, набив пузо, я почувствовал, как в мое тело проникает вина. Будто сотня паучков, вина карабкалась по моим рукам и ногам, подбираясь все ближе к сердцу. Я сжал пуговицу в кармане. Мама отшлепала бы меня за то, что я натворил.

Встав, Таня потянулась и звякнула монетами в кармане.

– Пойдем.

Я поплелся за Таней, все еще высматривая красное пальто. Коричневое пальто, серое пальто, черное пальто. Где же красное?

Засмотревшись, я споткнулся обо что-то и чуть не упал, но Таня подхватила меня.

– Смотри, куда идешь.

Я оглянулся. Споткнулся я о мальчика. Мальчик лежал на тротуаре, и по его лицу ползала муха. Обуви у мальчика не было.

Кто-то остановится. Кто-то отгонит муху. Кто-то обнимет мальчика, поднимет его с тротуара.

Но никто так и не остановился. Люди шли мимо, обходя мальчика, а некоторые просто переступали через него, словно его и не было. Словно он был призраком.

– *Пойдем.* – Таня дернула меня за руку.

Порыв холодного ветра пронес обрывок газеты по улице и сдул муху с лица спящего мальчика.

Глава 8

Школа

– Пойдем завтра в школу?

Витя, рассмеявшись, передал Юле бутылку. Юля свинтила крышку и сделала большой глоток. Паша, прижимая к губам коричневый пакет, глубоко дышал.

Таня прислонилась к плечу Рудика.

– Город – наша школа, Мишка, – мечтательно протянула она, широко разводя руки. – Весь мир – наша школа.

Меня это удивило. Мне очень хотелось пойти в школу. Мне нравилось, как пахло в той части школы, где размещался мой детский садик. Там пахло мокрой шерстью, теплым какао и хлебом.

– Но я хочу пойти в школу, – возразил я. – В садике меня учат читать и писать.

– Это все потому, что ты дурень, – сказал Витя.

Рудик бросил мне под ноги сигаретный бычок.

– Нам в школе не обрадуются.

– Но все дети должны ходить в школу, – сказал я. – Есть такой закон.

К платформе подъехал поезд. Люди повалили из вагонов, они суетились, смотрели на часы, на вывески, куда угодно, но не на нас. А я искал красное пальто.

Витя вскочил. Полы его грязной рваной куртки развевались – он закружился в страшноватом танце.

– Мы закон! – во все горло завопил он. – Улица – вот закон!

– Водка – вот закон! – пропела Юля.

– Клей – вот закон, – пробормотал Паша, устраиваясь поудобнее на картонной коробке.

– Воровство для выживания – вот закон, – выпалила Таня.

– Деньги и только деньги, – с нажимом произнес Рудик. – Вот закон.

Все кивнули.

Сошедший с поезда пассажир бросил в урну недоеденный бутерброд. Юля и Витя рванулись к урне, оскальзываясь на мраморном полу. Витя схватил бутерброд, оттолкнув Юлю в сторону. Юля запрыгнула Вите на спину и завопила:

– Он мой! Отдай!

Витя отмахнулся от нее, словно от надоедливой мухи.

Таня и Паша зашлись от хохота.

– Наподдай жару! – крикнула Таня.

Рудик выдохнул облачко дыма.

– Грязные твари, – проворчал он. – Ничем не лучше собак, что грызутся на улице.

Днем я видел на улицах собак. Их было много. Иногда они рычали и скалились, но никогда не дрались друг с другом.

Встав, Рудик неспешно приблизился к Вите и Юле – те катались по полу, кусаясь и царапаясь. А люди шли мимо. Конечно, кто-нибудь сейчас скажет им, чтобы они прекратили драться на вокзале! Конечно, кто-нибудь сейчас позовет дядю-милиционера...

Рудик бросил бычок на пол, а затем пнул Витю острым носком черного ботинка.

– Вставай, – скомандовал он.

Юля запустила пальцы Вите в шевелюру и с силой дернула его за волосы. Рудик пнул и ее. Юля завопила от боли, переворачиваясь на бок. Витя схватил ее за ногу, но прежде чем он успел что-либо сделать, Рудик с силой пнул его по крестцу, и от удара Витя стукнулся лицом об пол. На сером мраморном полу медленно растекалась лужа крови.

Рудик подобрал недоеденный бутерброд, тщательно завернутый в бумагу, словно подарок. Теперь бумага была заляпана кровью.

Он с поклоном протянул бутерброд Тане.

– Тебе, моя прекрасная принцесса.

Рудик сел рядом со мной. Таня жадно ела бутерброд. В животе у меня урчало, меня тошнило и знобило. Красная кровь на полу. На полу в нашей квартире было красное пятно. И я прикасался к нему. А вдруг...

Рудик толкнул меня локтем в бок, тыча в сторону окровавленного Вити и плачущей Юли незажженной сигаретой.

– Вот и все образование, что тебе пригодится, Миша.

Я забрался под длинную лавку возле вентиляции. Я скорчился под лавкой, повернувшись спиной ко всем этим людям, спешащим на свои поезда. К людям, которые никогда не останавливались. К людям, которые смотрели сквозь нас, словно мы были призраками. К людям в серых куртках, черных куртках, коричневых куртках. К людям, которые не носили красное пальто.

Я повернулся спиной к этим лишенным матерей детям. А они и были детьми. Всем им, даже Рудику, было не больше четырнадцати.

Я закрыл глаза, чтобы не видеть, как яркий свет играет на высоких мраморных арках, на сером полу, на холодных изваяниях всадников, на печальных детях, поселившихся на Ленинградском вокзале.

И меня баюкали не мамины сказки, а перестук колес и эхо шагов, отражавшееся от твердого мраморного пола вокзала. Мама не поцеловала меня на ночь, не обняла меня перед сном.

Глава 9

Щенок

Шли дни, тянулись долгие ночи. Днем мы с Таней ходили по улицам, играя в притворяшки. Так мы с Таней добывали деньги и еду. Таня знала много разных способов играть в притворяшки. Иногда после таких игр мне становилось стыдно.

Каждый вечер мы собирались на вокзале. Ребята ссорились, мирились, пускали по кругу бутылки со странной жидкостью, которая пахла в точности так, как тот злой дядька. Еще они пускали по кругу сигареты. И тюбики с клеем. Как правило, Рудик сидел с нами, но не всегда. Зато мы всегда, всегда отдавали ему деньги. Если ему казалось, что отдали не всю дневную выручку, он мог избить до крови.

Однажды Таня заболела и не смогла пойти со мной.

– Сегодня пойдешь с Пашей, – сказал мне Рудик, а потом вlepил тому подзатыльник. – А ты высунь башку из пакета и принеси денег. И так отстаешь.

Я поковылял за Пашей по лестнице. Ступени все тянулись и тянулись, но в конце концов мы вышли на свет.

– Ты в какие притворяшки играешь? – спросил я. – А то мне не нравятся Танины игры.

– Не знаю я никаких притворяшек. – Паша сощурился на солнце. – Игры – это для малых. И для девчонок.

– Я не маленький, – возразил я. – Я уже большой и хожу в садик.

– Ага. – Паша внимательно осмотрелся. – А мне вот почти десять. И я знаю побольше всех этих пацанов, которые сидят в классе.

Он побрел по улице. Возле высоких железных ворот сидела какая-то девчушка. На коленях у нее возился щенок.

– Где щенка взяла? – спросил Паша.

– На сожженной танцплощадке, – ответила девочка.

Паша опустил руку мне на плечо.

– Пошли. Раздобудем себе по щенку.

Я чуть не подпрыгнул от радости. Щенок! Мне всегда хотелось завести щенка, и я долго упрашивал маму.

– Я буду очень-очень хорошо себя вести, – обещал я. – Только подари мне щеночка.

– Нам едва удастся прокормить себя, Медвежонок, – отвечала мама. – Как нам прокормить щенка?

А теперь я бежал за Пашей, напевая:

– Щеночек, щеночек! У меня будет щеночек!

Паша остановился перед полуразрушенным зданием. Тут пахло дымом.

– Помолчи. – Он склонил голову к плечу. – И послушай.

Мы услышали какой-то шорох в углу.

– Сюда. – Паша мотнул головой.

Я полез за Пашей по завалам обуглившихся досок, столешниц, кирпичей и битого стекла. В углу мы нашли перевернутый ящик. И в нем сидели два щеночка.

– Ой! – Я опустился на колени, не думая о битом стекле.

Я поверить не мог своему счастью. Наконец-то у меня будет щенок.

Паша схватил пятнистого щенка за загривок. Щенок взвизгнул.

– Бери второго и пошли.

Я осторожно подобрал второго щенка. Он тоже был коричневым с белыми пятнышками, как и его брат. Щенок дрожал.

– Я тебя не обижу, малыш, – прошептал ему я. – Я буду хорошо о тебе заботиться. Всегда.

– Пойдем, Мишка, – позвал меня Паша.

Прижав к себе щенка, я пошел за Пашей к парку. «Парк – отличное место для меня и моего нового щенка», – подумалось мне.

Паша сел на залитый солнцем бордюр неподалеку от ларька, в котором торговали жареной картошкой.

– Сюда приходят обедать всякие дельцы, – сказал мне Паша. – Они всегда дают больше денег, если у тебя щенок или котенок.

Щенок лизнул мне руку.

– На эти деньги я куплю щенку самую лучшую еду, – похвастался я.

Паша вздохнул.

– А еще я куплю ему чудесный ошейник. И мягкую кроватку. И поводок, чтобы он от меня не убежал. – Я чмокнул щенка в затылок. – Как нам назвать этих малышей?

Какая-то женщина бросила мне под ноги две монеты. Другая бросила монетку под ноги Паше.

– Назвать? – фыркнул Паша. – Мы их никак не называем. Мы просто берем их с собой, чтобы нам больше платили, вот и все.

Я прижал щенка к груди.

– Но это же мой щеночек!

Как Паша и сказал, в парке становилось все больше народа. Какие-то люди проходили мимо, нам бросали монетки и даже купюры. Щенок ерзал у меня на коленях.

– Мне плевать на деньги. – Я сдвинул свои монеты в Пашину горку. – Но я оставлю себе этого щенка. Я принесу его на вокзал. Он всем понравится.

– Не надо. Рудик его убьет. И не думай, что не убьет.

Я вскочил, прижимая к себе щенка.

– И все равно я его оставлю! – крикнул я. – Значит, я не вернусь на вокзал.

Паша смерил меня долгим взглядом.

– Ты не сможешь выжить один, Мишка. Тут есть люди, которые творят страшные вещи с такими ребятами, как мы.

Щенок вывернулся из моих рук и прыгнул на землю. Принюхавшись, он съел упавшую возле лотка картофелину.

– Рудик – плохой, – сказал я, не глядя на Пашу. – Он бьет своих друзей. Он забирает наши деньги.

– Но он нас защищает, Миш. Нам безопаснее с Рудиком. И мы все это знаем. Потому-то мы и миримся с его побоями. – Паша похлопал по бордюру. – Сядь, посиди. Смотри, какое солнышко, – мягко сказал он. – Порадуйся солнышку и щенкам.

Я отвернулся, давась слезами.

Паша вздохнул, а потом протянул мне пару монет.

– Вот, купи себе и щенку по порции картошки, – сказал он.

Я смахнул слезы со щек, а потом протянул ему руку. Прохожий бросил мне на ладонь три блестящие монетки.

Глава 10

Зеркало

Таня и Юля заперлись в туалете вокзала. Я слышал, как они хихикают.

– Давай так попробуем, – говорила Юля. – Мальчишкам нравятся такие прически.

Вскоре они вышли из туалета. Они обе собрали волосы в хвостики на затылке. Было видно, что шевелюры у них грязные. А еще девчонки где-то нашли сношенные туфли на высоких каблуках. Я впервые увидел Юлю без бейсболки и сигареты за ухом.

– Чего вылупился?! – рявкнула она.

– Ты не похожа на Юлю, – сказал я.

– Я похожа на кинозвезду, верно? – улыбнувшись, Юля закружилась передо мной.

Я покачал головой.

– Ты похожа на пугало на ходулях.

Я и глазом моргнуть не успел, как она повалила меня на пол и пнула по ноге.

– А ты думаешь, ты у нас маменькин сынок, маменькин Мишутка? – Она стукнула меня еще раз. – Сам бы на себя в зеркало посмотрел, придурок!

– Но я не достаю до зеркала, – возразил я.

К тому же я всегда буду маминым белокурым милым мальчиком. Она так говорила.

Юля сбросила туфли, схватила меня за руку и потащила в туалет. Там она швырнула на пол перед умывальником деревянный ящик, схватила меня за плечи, перетащила на ящик и хорошенько встряхнула.

– Смотри, придурок.

Мальчик, смотревший на меня из зеркала... Это был не я. Мальчик в зеркале был грязным. Под глазами у него лежали темные круги. Волосы торчали во все стороны, сально поблескивая и топорщась. Кожа у мальчика стала серой от пыли, кое-где под слоем грязи синели кровоподтеки. Щеки запали. А глаза... Наверное, такие глаза могли быть только у призраков.

Мама ни за что не узнала бы этого мальчика, если бы встретила его на улице.

Той ночью, лежа под лавкой у вентиляции, я не рассказывал себе сказки из моей книжки. Я не представлял себе, как мама целует меня на ночь. Я гладил, гладил, гладил пальцем черную пуговицу в кармане и думал.

Если я приехал в Большой Город из поселка, то я наверняка могу вернуться. Почему я решил, что мама станет искать меня в Городе? Откуда мне знать, что она не ждет меня в нашей квартире, выглядывая из окна?

Я думал и думал всю ночь. Мимо проезжали поезда, ребята смеялись, плакали, ругались. Я думал о том, как вернусь домой. Думал о теплой кровати. Думал о том, как мамины белоснежные руки мелькали в брызгах горячей воды. Думал о том, как на плите варились щи. Вспоминал мамину улыбку, мамин голос.

– Мишка, Медвежонок мой. Мой милый, чудесный малыш.

А потом я вспомнил мальчика в зеркале. Я понял, что нужно делать.

Глава 11

Поселок

Я сидел на лавке в поезде. Вагон подпрыгивал на рельсах, колеса стучали. Я смотрел на куртки и пальто разных цветов. Какие-то люди входили, какие-то выходили. Кто-то читал, кто-то спал. От сидевшей рядом женщины пахло луком. Было видно, что она очень устала. Другая женщина теребила длинную черную косу. Никто из них не обращал на меня внимания. А я сидел на лавке. Я ехал домой.

По пути из Большого Города нужно было миновать много остановок. В вагоне были и другие дети. И все они ехали со взрослыми. Эти дети смотрели на меня, удивленно распахнув глаза. Я старался быть тише воды, ниже травы.

А потом, на одной из остановок, дверь вагона открылась, и внутрь вошли две собаки. Я выпрямился.

Собаки, принюхиваясь, пошли по проходу, виляя хвостом. Я думал, что кто-нибудь накричит на этих псов, выгонит их. Но никто не обращал на них внимания. Пассажиры читали книги и газеты или просто похрапывали, прислонившись головами к стеклу. Никто не кричал. Никто не выгонял собак.

Наконец собаки устроились рядом с молодой мамочкой, державшей на коленях младенца. Покружив у ее лавки, псы вздохнули и улеглись на пол. Затаив дыхание, я смотрел, как они спали. Я не мог поверить в то, что собаки могут ездить на поезде.

На следующей остановке собака покрупнее, мохнатая, точно медведь, встала и принюхалась, а потом легла и опять задремала. То же самое повторилось и в следующий раз, когда поезд затормозил. Только теперь мохнатый пес дернул за ухо собаку поменьше, и они вместе вышли за дверь вагона. Вскоре собаки исчезли в толпе.

Я проснулся от голода. Выпрямившись, я выглянул из окна. Мы уже давно выехали за пределы Большого Города.

Я уже испугался, что проспал свою остановку, когда из громкоговорителя донеслось название моего поселка.

Я соскочил с лавки и вышел из вагона. На платформе мне пришлось пробираться сквозь лес ног, сумок и рюкзаков. Конечно, мама будет ждать меня на вокзале, она придет сюда в своем красном пальто, на котором теперь не хватает одной пуговицы. Конечно, мама ходила сюда каждый день, встречала каждый поезд, ждала своего Мишку.

Но никто не ждал меня, никто не улыбнулся. Не было тут ни красного пальто, ни каштановых волос.

Я прошел по деревне, мимо школы, мимо лавки мясника, мимо магазина тканей, мимо пекарни, где работала мама. Холодный ветер продувал мой свитер. В пекарне было темно.

Я поднялся по длинному пологому склону холма и дошел до высоты. В доме я не заметил никакого движения. Но мама, конечно же, ждет меня. Выглядывает меня.

Я взбежал на четвертый этаж, перепрыгивая через две ступеньки. Мое сердце трепетало.

Дверь стояла нараспашку. Я уже хотел войти в квартиру, но тут меня осенило. А что, если *он* там? Что, если там тот злой дядька, с его огромными уродливыми ступнями, гнилыми зубами и бутылками водки? Вонь его пота, красное пятно на полу...

Дверь скрипнула. Я отпрянул.

– А ты еще кто такой? – В дверном проеме показалась грузная тетка с одутловатым лицом. На тетке была черная куртка и грязная шаль.

– Меня зовут Мишка, Михаил Андреев, – прошептал я, слыша, как стучит мое сердце. – Я тут живу. С мамой. Мою маму зовут Анна Андреева.

Хмыкнув, женщина принялась выносить на лестничную клетку бутылки.

– Ну и свинья же твоя мать, – сказала она.

Во мне вспыхнула злость.

– Моя мама не свинья! – возмутился я. – Это *он* свинья. – При мысли о нем мне стало дурно. – Он плохой, *плохой* дядька.

Женщина пожала плечами.

– Пусть так. Но сейчас их здесь нет. Тут вообще неделями никого не было. Квартплата уже месяцами не внесена. А мне, значит, прибирай за этими свиньями. Скоро новые жильцы въедут.

– Но ведь тут живем мы, – возразил я. – Мама просто уехала ненадолго.

Женщина, выпрямившись, устало смерила меня взглядом. Ее лицо немного смягчилось.

– Ее тут нет, малец. Ты знаешь, где она?

Я покачал головой.

Тетка начала запихивать мусор в пакет.

– Соседи говорят, они слышали крики. Ты и сам сказал, он был плохим человеком. Может, с твоей матерью стряслось что. – Ее лицо вновь окаменело. – Но что было, то было. Это не моя забота. Тебе придется найти себе новое жилье. У тебя родня-то есть?

Я покачал головой.

– Это мой дом.

Тетка – чем-то она была похожа на свинью – вздохнула.

– Ох, что ж с нами стало-то за эту пару лет. – Она всплеснула руками. – Живем что псы, детей наших бросаем.

– Мама никогда бы меня не бросила. Она...

Но тетка меня не слушала. Она разговаривала с мусорным пакетом.

– Как по мне – меня-то что, меня никто не спрашивал, но как по мне, так раньше было лучше. Раньше все шло как по маслу. – Она завязала пакет с мусором и ткнула в мою сторону пальцем. – Можешь думать о коммунизме и Горбачеве, что хочешь, но как Союз развалился, так все и полетело к чертям. – Тетка забросила два пакета себе на плечо. – Когда я вернусь, чтоб и духу твоего тут не было.

Я слышал, как она ворчит, спускаясь вниз по лестнице.

Я медленно прошел из одной комнаты в другую. На маминой кухне – тут всегда было так опрятно! – громоздились горы мусора. Тут сильно воняло. Дверца холодильника была открыта. Внутри валялся кусок заплесневелого сыра и надкусанная прогорклая сосиска. Я жадно запихнул остатки пищи в рот и пошел в спальню. Все исчезло. Мамина одежда, деревянная иконка, висевшая над кроватью, запах табака и лаванды... Ничего не осталось.

Я вернулся на кухню и подошел к шкафу, в котором спал после того, как в нашей квартире поселился тот злой дядька. Отсюда тоже все пропало. И моя одежда, и одеяло, и мой черный радиоприемник с блестящей антенной и множеством кнопок.

А потом я увидел книгу со сказками. Она лежала в углу.

Я провел кончиками пальцев по грязной обложке. Жар-птица летела над Ледяным царством, над блестящими сосульками, навеки покрывшими золотые купола-луковки.

Прижав книгу к груди, я в последний раз обвел взглядом мамину кухню. В раковине лежала разбитая тарелка. Когда я в последний раз ел из тарелки, пил из чашки?

Затем я направился в угол спальни. Встав на колени, я коснулся пальцем красного пятна, которое даже эта похожая на свинью тетка не сумела оттереть. Пятно было namного, namного больше, чем мне показалось в первый раз.

Меня прошиб холодный пот. А потом меня вырвало.

С теткой, похожей на свинью, мы разминулись на лестнице. Она пробормотала что-то, но я не сумел разобрать ее слов.

Я остановился на вершине холма. Капля упала мне на лицо, затем вторая. Заморосил мелкий дождик. Сунув книгу под свитер, я пошел на вокзал. Я решил вернуться в Большой Город, на Ленинградский вокзал.

Глава 12

Дождь

Дождь не прекращался много дней. Иногда с неба срывалась холодная морось, иногда начинался настоящий ливень, и капли барабанили по крыше вокзала. Из-за дождя нам приходилось оставаться под землей. Мы не могли просить милостыню, не могли воровать еду и выпивку.

В первый день мы спали, свернувшись в нашем логове из газет и картонных коробок. Даже Рудик, и тот спал. Я высматривал красное пальто, каштановые волосы и собак.

На второй день Таня отказалась красть кошелек у женщины, и Рудик ее избил. Юля ушла с каким-то дядькой в сером красивом костюме. Вернулась она с чистыми волосами, сумкой, полной еды и пива, и с синяками на шее.

На третью ночь я читал ребятам сказки из моей книжки. Правда, я не мог прочитать все слова, но я помнил, как эти сказки читала мне мама.

Когда я читал «Девочку со спичками», вокруг воцарилась тишина, слышался только перестук колес, да Паша время от времени заходил в кашле. Рудик чистил ногти острием выкидного ножа.

– Она была точно как мы, – вздохнула Таня, утирая слезу. – Всем было на нее наплевать. Даже потом.

– Не всем, – возразил Паша. – Тот свет поднял ее и унес прочь.

– Это был Господь, – кивнула Юля. – Господь унес ее прочь.

– Или ангелы, – предположила Таня. – Ее могли унести ангелы.

– А где были эти ангелы, где был этот ваш Господь, когда она подыхала с голоду?! – фыркнул Витя. – Где они были, когда ее вышвырнули на улицу?

Все молчали, глядя в пол.

– А я вам скажу, где ангелы. – Витя вырвал книжку у меня из рук. – Они тут, в сказках. Ангелы бывают только в сказках!

– Отдай книжку! – вскочив, я попытался отобрать у него мои сказки.

Витя поднял руку повыше.

– Прыгай, мышонок, – усмехнулся он.

Я прыгал, прыгал, подошвы моих кроссовок пружинили, но у меня ничего не получалось.

– Глядите, дрессированный мышонок, – расхохотался Витя. – Глупый дрессированный мышонок!

Таня тоже подхватилась.

– Отдай Мишке книгу, Витя, иначе, Богом клянусь...

– Да клянись ты сколько влезет, Таня! – Лицо у Вити сморщилось. Я еще никогда не видел его таким. – Какая разница? – На лоб ему упал луч света. К станции приближался поезд. – Бога нет. Бог – это просто дурацкая сказка!

И тогда Витя швырнул мою книгу вверх. Она пролетела над нашими головами, над нашими руками, страницы трепетали, точно белые крылья... Эта книга была ангелом. Жар-птицей. На мгновение она зависла в ослепительно-белом свете. А затем упала под колеса поезда.

Таня набросилась на Витю.

– Смотри, что ты наделал!

А так как Юля всегда делала то же, что и Таня, она сняла туфлю и стукнула Витю по голове. Паша сосредоточился на своем пакете с клеем.

Когда поезд проехал мимо, я подполз к краю платформы. Там, между шпалами, лежало то, что осталось от моей книжки. Я попытался спуститься вниз, но кто-то схватил меня за ворот свитера и затащил обратно.

– Ты что, дурак? Вон еще поезд, – сказал мне Рудик.

Так оно и было.

Рудик спрыгнул вниз, в грязь. Из-под его ботинок взметнулось облачко пыли. Поезд приближался.

Неторопливо, будто у него было все время мира, Рудик подобрал остатки книги и внимательно осмотрел страницы, словно выбирая овощи на рынке. Вокруг него вился сигаретный дымок, а Рудик все листал и листал остатки книжки.

Свет поезда стал ярче. Раздался гудок.

– Рудя! Выбирайся оттуда! – завопила Таня.

У Вити округлились глаза. Мое сердце колотилось в груди.

Рудик сунул страницы в карман шинели. Поезд уже почти подъехал к платформе. Послышался еще один гудок. Завизжали тормоза.

Рудик бросил окурочек в пыль. Гордо и изящно, словно кот, он выпрыгнул на платформу и отряхнул колени. Не говоря ни слова, он вытащил страницы с моими чудесными сказками и отдал их мне.

– Да пошел он, этот дождь, – заявил он.

Рудик взял Таню за руку, и они скрылись в толпе.

Глава 13

Везунчик

Дождь прекратился. Холодало. У меня не было ни шапки, ни варежек, только свитер. Люди на улицах торопились вернуться в тепло, они не останавливались, чтобы подать нам милостыню.

Холод и наши пустые руки повергали Рудика в бешенство.

– Трачу время на вас, раздолбаев. Вы бесполезны! Бесполезны! – Он плюнул мне под ноги. – Особенно ты. Думаешь, раз ты мелкий, тебе не нужно приносить деньги? Думаешь, ты слишком хорош для того, чтобы воровать?!

– Ладно тебе, Рудя. – Таня опустила руку ему на плечо. – Мишка мало ест.

Рудик стряхнул ее ладонь.

– А ты?! – рявкнул он. – Думаешь, ты слишком хороша для того, чтоб ходить по мужикам? – Он схватил Таню за плечи и тряхнул ее. – Настало время и тебе заняться этим. Вот увидишь, время настало.

Паша зашелся от кашля.

– Прекрати! – крикнул на него Рудик. – Перестань кашлять!

Паша отер нос тыльной стороной ладони. На руке у него осталась кровь.

Когда было потеплее, мы с Пашей просили милостыню в парках и на площадях, надеясь, что солнце выманит на улицу деловых людей. Но теперь их стало меньше, а если кто и появлялся, они не желали расставаться со своими деньгами.

– Скоро придется уходить с вокзала, – сказал Паша.

Я наблюдал за тем, как черный пес с коричневыми подпалинами подбирается к женщине и маленькой девочке, сидевшим на лавке.

– Зачем нам уходить? – спросил я.

– Зимой милиция выгоняет нас с вокзала.

Пес, махая хвостом, разинул пасть.

– Милиция говорит, зимой на вокзалах слишком много бомжей и нищих.

Девчушка засмеялась, хлопая в ладоши. Мать не обращала внимания на пса.

– Но мы не бездельники какие-нибудь, – возразил я. – Мы же дети.

– Бомжи, нищие, беспризорники – милиции все равно. Мы для ментов что тараканы.

Вышвырнуть нас – и всего делов.

Пес опустил морду женщине на колени и жалобно заглянул ей в глаза, изо всех сил размахивая хвостом. Я затаил дыхание.

– У нас есть куда пойти зимой, чтобы согреться, – успокоил меня Паша.

Женщина улыбнулась, потрепав пса по загривку. Я засмеялся, хлопая в ладоши.

– Куда? – переспросил я, представляя себе, как милиционеры отводят нас туда, где есть одеяла и горячий суп. Где для меня найдется курточка.

– В метро, – сказал Паша. – Рядом с трубами тепло.

Женщина отломала кусочек бутерброда и передала его девочке. Девочка протянула ладонь псу.

Осторожно взяв с ее ручки колбасу, а затем хлеб, пес облизнул малышке пальцы.

Я потерял пуговицу в кармане.

Паша по-дружески пихнул меня локтем под бок.

– Все не так уж плохо, Миш. Там тепло и сухо. Нас жалеют, подкармливают. Иногда на площадь приходят церковники, дают нам супа с хлебом.

– Там темно?

Паша пожал плечами.

– Да, но у нас полно свеч, и все такое. И там весело. Намного веселее, чем у меня дома в деревне. Там есть вообще было нечего, только корм для коров и коз. Тут лучше.

– А как же твоя мама? – спросил я. – Она ведь ищет тебя, наверное?

– Мать у меня спилась. – Паша щелкнул пальцем по шее. – И отец спился. Пока у них была водка, они только и делали, что орали друг на друга. Ни до меня, ни до моих братьев и сестер им дела не было. Когда отец меня избил в последний раз, я всадил ему в живот нож и убежал.

– Ты ударил его ножом? – ужаснулся я.

Паша кивнул.

Как бы я ни ненавидел того злого дядьку, я никогда бы не ударил его в живот ножом.

Мужчина в коричневых башмаках с блестящими пряжками бросил к нашим ногам две монетки.

– Спасибо, – крикнул я ему вдогонку.

Паша подбросил монетку и поймал ее зубами.

Рассмеявшись, я захлопал в ладоши.

– Еще, – потребовал я.

И Пашка показал этот фокус снова. И снова.

Черный пес с коричневыми подпалинами встал, отряхнулся и потрусил по парку, словно опаздывая на важную встречу.

Дни становились все холоднее. Все больше людей выходили на улицы в пальто, но я уже не высматривал мамино, красное. Я наблюдал за собаками. Они были повсюду – спали в подворотнях и на канализационных люках, катались на поездах, сновали по улицам. Псы выпрашивали еду и воровали. Иногда им удавалось найти доброго человека, который их подкармливал. Иногда псов гнали прочь. Псы были такими же, как и мы. Но не совсем. Я видел, как собаки воруют сосиски и таскают еду из пакетов. Я видел, как они просят подачки у женщин, детей и стариков. Я видел, как они роются в мусорных баках за магазинами. И псы всегда, всегда делили еду. Ели малыши, больные, старые. Вот как было у собак.

Однажды я сидел на тротуаре рядом с вентиляционной решеткой. Стоял холодный мрачный день. От ветра у меня слезились глаза. Я говорил себе, что плачу не по своей матери. Не из-за всех тех недель, что прошли с тех пор, как я в последний раз спал в кровати и мылся. Не знаю, действительно ли прошли недели. Может быть, прошло уже несколько месяцев. Или дней. Мне уже было все равно. Я плакал только от ветра и холода, уткнувшись лбом в колени.

И тут ко мне прижалось что-то теплое. Горячее дыхание скользнуло по моей щеке. Я поднял голову. Рядом со мной стоял большой коричневатый-черный пес.

Пес принялся к моим волосам, а затем лизнул меня в ухо. Я затаил дыхание. Может, он хочет съесть меня?

Удовлетворив свое любопытство, пес улегся рядом со мной, поближе к вентиляции. Вздохнув, он закрыл глаза.

Так мы и сидели, я и пес. Мимо нас проходили какие-то люди, некоторые даже переступали через меня. Женщина в синей курточке остановилась и дала мне две монетки. Мужчина в черном пальто и белом шарфе дал мне сосиску в тесте и засеменил прочь.

Пес с надеждой вильнул хвостом. Я разломил сосиску пополам и поделился с ним.

Монеты сыпались мне под ноги – иногда даже по две монетки. Мы с псом пересекли улицу и подошли к лотку, с которого торговали печеной картошкой. Монетки позвякивали у меня в кармане.

– Можно мне две картофелины, пожалуйста? – попросил я, протягивая деньги.

Продавец снял с противня две крупных горячих картофелины, завернул их в газету и передал мне. Я отдал ему монеты. Лоточник смерил меня взглядом, при этом один глаз смотрел на меня, а второй – куда-то в сторону. Наверное, там было что-то поинтереснее.

Вздыхнув, он достал еще одну картофелину.

– Для твоего пса.

Я рассмеялся. Подумать только! Три картофелины! И тут я вспомнил мамины слова: «Нужно быть вежливым мальчиком, Мишка».

– Спасибо, – пробормотал я. – Спасибо вам огромное.

Две горячие картофелины грели мне руки. Еще одна в кармане. Две картофелины, которыми можно полакомиться.

Мы с псом вернулись к вентиляции. Вытащив картошку, я принялся за еду. Пес тихонько гавкнул, виляя хвостом.

– Извини, пожалуйста.

Я разломил картофелину пополам. Осторожно взяв свою половинку с моей ладони, пес проглотил ее, не жуя.

И у меня остались еще две теплых картофелины. Я улыбнулся.

– Сегодня ты принес мне удачу, – сказал я.

Пес облизнул мне пальцы.

– Я назову тебя Везунчик.

Потянувшись, Везунчик принялся, посмотрел на меня и потрусил прочь.

– погоди! – воскликнул я.

Я побежал за ним. Картофелины подпрыгивали у меня в карманах.

Оглянувшись, Везунчик замедлил бег. Я догнал его и побежал рядом. Дыхание паром слетало с моих губ. Я уже давно не бегал. Обычно мы сидели или лежали, раскинув руки. Мы не бегали.

– Куда мы идем, Везунчик? – Я опустил ладонь ему на загривок.

Мы дошли до перекрестка. Сев, пес завертел головой. Девочка, одетая в лохмотья, перебежала дорогу. Завизжали шины, взревели гудки. Я видел когда-то, как Паша и Юля играли на проезжей части, дразня водителей.

– Это глупая девочка, – сказал я Везунчику. – Мама всегда говорила мне, что переходить дорогу можно только на зеленый свет.

Посмотрев на меня, Везунчик завилял хвостом. Он был со мной согласен.

Дождавшись, пока на светофоре загорится зеленый свет, мы перешли улицу. Мы шли мимо пустых домов с выбитыми стеклами и заколоченными дверями. Мы шли мимо огромных сияющих зданий. В витринах стояли закутанные в меха манекены.

Мы шли мимо других собак, спящих на солнце. Некоторые из этих собак открывали глаза и лаяли, приветствуя нас. Другие продолжали спать.

Мы шли мимо детей – они просили милостыню, спали на картонках или сидели в подворотнях, прихлебывая что-то из бутылок. Везунчик обошел двух мальчишек постарше – те дрались на тротуаре. Один из мальчишек попытался схватить меня за руку.

– Эй, ты! – рявкнул он.

Обернувшись, Везунчик зарычал на него, обнажив длинные белые зубы. Мальчишка отпрянул.

Наконец мы остановились у заброшенного магазинчика в конце длинного переулочка. Наверное, когда-то тут была булочная. Или продуктовый магазин. Теперь здесь не осталось ничего, кроме кирпичей и досок. Все вокруг заросло травой.

Но, похоже, Везунчик направлялся именно сюда.

Он оглянулся на меня, а потом подошел к боковой стене. Пес тихонько гавкнул и прошел сквозь стену.

Я охнул. Как же так вышло? Может, он призрак?

А потом я услышал лай. «Гав!» И еще: «Гав!» Я подошел поближе к тому месту, где Везунчик пропал, и услышал, как кто-то тихонько скулит. Раздвинув высокую траву, я рассмеялся.

Везунчик не был псом-призраком. Он не прошел сквозь кирпичную стену. В стене было небольшое отверстие – раньше я его не замечал, потому что его скрывала грудa щебня и трава. В такое отверстие как раз мог протиснуться пес. Или маленький мальчик.

– Везунчик, – позвал я, наклонившись к проему.

– Гав! – ответил он.

В проеме показались сияющие карие глаза и черный нос.

– Гав! – повторил Везунчик и скрылся из виду.

Я посмотрел на улицу. Невдалеке от меня прошли два мальчика – те самые, которые раньше дрались. Они все еще переругивались. С неба, кружась, падали крупные снежинки. Я заглянул в темный проем.

Я мог бы двинуться по переулку, выйти на широкую улицу, добраться до перекрестка, оставить позади грязных, спящих, дерущихся попрошайек, вернуться на вокзал, к Паше, живущему в мире своих грез, подаренных клеем; вернуться к Вите с его крысиной физиономией; вернуться к Тане с ее грустными глазами; вернуться к Юле с ее сигаретами и мужчинами в темных костюмах.

Я опустилсa на корточки и пролез в проем. Спрыгнув на пол, я очутился во тьме.

Глава 14

Стая

Постепенно мои глаза приспособились к мраку. Трава, закрывавшая проем, пропускала скудные солнечные лучи.

И эти лучи выхватывали то ухо, то глаз. Там. И там. И сям.

Я замер на месте.

Везунчик ткнулся мне в руку холодным мокрым носом.

– Гав.

Я услышал, как в углу заскулили и запищали. Везунчик потянул меня за рукав.

Я последовал за ним. В углу, среди тряпок, газет и каких-то одеял, лежала собака. Рядом с ней копошились щенки.

– Ой! – воскликнул я. – Гляди, щенки!

Я протянул к ним руку. Их мама зарычала. Везунчик лизнул ее в ухо и пихнул щенков носом.

– Так вот зачем ты привел меня сюда, – догадался я. – Чтобы я посмотрел на щенков?

Везунчик, сев, дотронулся лапой до моего кармана. Кармана, в котором лежала карто-
фелина.

Вытащив картофелину, я отломил от нее кусочек и передал его Везунчику. Тот бросил этот кусочек маме щенков, и она мгновенно все съела.

Везунчик посмотрел на меня, словно говоря: «Ну же, дай ей еще».

Отломив еще кусочек, я протянул его собаке. Она слизнула остатки у меня с пальцев, а затем улеглась на бок. Щенки тут же принялись сосать.

Присев на корточки, я улыбнулся.

– Ты отличная мамочка, – сказал я. – А ты, Везунчик, хороший папа.

Я повернулся к Везунчику, чтобы рассказать ему, какой он хороший отец, раз так заботится о своих малышах.

Повернулся – и замер.

Меня окружали собаки. Коричневые, черные, белые. Среди них был маленький вскоченный пес с порванным ухом. В углу сидела коричневая собака с серебристой мордой и добрыми глазами. Везунчик прижался ко мне и замахал хвостом.

– Привет, – сказал я собакам. – Вы тоже хотите есть?

Песик с порванным ухом радостно взвизгнул и встал на задние лапы.

Рассмеявшись, я отломил от картофелины кусочек и бросил ему. А затем я покормил остальных. Когда картошка закончилась, псы прижались ко мне, нюхая мои волосы, уши, одежду. Мама щенков поднялась и принялась облизывать мне лицо. Расхохотавшись, я попытался вывернуться.

– Нет, не надо! Щекотно! Ты меня всего обслюнявила!

Но она продолжала меня вылизывать.

Черная собака с белыми пятнами на лапах и спине прогнулась, склонив голову и махая хвостом.

Я опустил на четвереньки, опустил плечи к земле и оттопырил попу.

– Гав! – сказал я.

Черная собака с белыми пятнами выставила вперед правую лапу. Я шлепнул ладонью по земле, заливаясь от хохота. Старая собака наблюдала за нами, точно бабушка за внучатами.

У входа зашуршала трава. В сумраке я увидел, как что-то пробирается в проем. Все собаки насторожились. Выпрямившись, я прижался к Везунчику.

Что-то спрыгнуло на грязный пол. Щурясь, я присмотрелся. Это был пес.

Все собаки прижали уши и заскулили, приветствуя новоприбывшего. Мама щенков – Мамуся – и пес с порванным ухом подошли к новенькому и лизнули его в нос.

И тут я заметил: пес что-то держал во рту. Длинную толстую сосиску.

Пес бросил сосиску в грязь. Не обращая внимания на то, как другие собаки лакомятся его угощением, он смотрел на меня.

Я прижался к Везунчику, чувствуя себя мышонок в волчьей пещере.

Пес подошел ко мне поближе. Везунчик отпрянул.

– Нет, – прошептал я.

Я не успел спрятаться за Везунчика, и этот новый пес, вожак стаи, обошел меня сзади. Он понюхал мои ноги, мои грязные штаны, карманы, где раньше лежали теплые картофелины. Он сунул нос мне в ладонь, будто умел читать по руке, как цыгане. Затем пес уселся передо мной и уставился на меня.

– Я Мишка, Миша Андреев, – прошептал я. – Мне пять лет, и я тебя не обижу.

Встав, пес подошел к щенкам, тщательно обнюхал их и, убедившись в том, что я им не навредил, потрусил к выходу. Не оглядываясь, он выбрался наружу.

Собака с белыми пятнами, которую я решил называть Кляксой, последовала за вожак. Мышиного цвета пес с порванным ухом засеменил к выходу, часто перебирая короткими лапками.

Везунчик бросил последний кусок сосиски Мамусе под нос и вылез наружу.

– Эй, – позвал его я. – Не оставляй меня здесь!

Везунчик сунул голову в проем.

– Гав?

Опустившись на корточки, я погладил трех щенков.

– Пока, Мамуся, – сказал я. – Завтра я принесу еще еды, обещаю.

Я протиснулся в проем. Было уже темно. Переулок запорошило снегом. А на углу стояла стая. И ждала меня.

Я побежал с псами по улицам, мимо детских шашек – беспризорники пили, смеялись, дрались, но мне было ничуть не страшно. Я бежал со стаей. Мы бежали вместе.

Наконец мы добрались до вентиляционной решетки, у которой я повстречал Везунчика. Собаки окружили меня, весело скалясь.

Я потрепал каждого пса по голове.

– Спасибо за то, что проводили меня, – сказал я. – Завтра мы с вами раздобудем много еды, вот увидите.

Я побежал вниз по ступеням. Ух, сейчас все расскажу Паше и Тане. Про псов, про щенков! Если они меня хорошенько попросят, я отведу их к щенкам. Мы все могли бы поселиться в этом магазинчике, а не греться возле труб. Мы могли бы подкармливать щенков. Могли бы стать одной семьей с собаками.

Перед статуей всадника я остановился, поднялся на цыпочки и коснулся ноздрей коня.

– Добрый вечер. – Я поклонился всаднику.

– Так-так-так...

Я охнул. Неужели бронзовый всадник заговорил со мной?

Из-за статуи вышел Рудик. В одной руке у него была бутылка. Другую он протянул мне.

– Наш мышонок вернулся.

– У меня был такой хороший день. – Я улыбнулся. – Я встретил пса и...

Рудик щелкнул пальцами.

– Деньги давай.

Я похолодел от страха. Деньги.

Я сунул руку в карман штанов и нащупал две монетки.

– Это все? – прищурился Рудик.

Я кивнул.

– Тебя не было целый день и полвечера, и это все, что ты принес?

Сердце колотилось у меня в груди. Я опять кивнул.

– Да, Рудик. На остальные деньги я купил еды.

Рудик влепил мне пощечину.

– Сколько раз тебе говорить?! Мы не тратим деньги на то, чтобы *покупать* еду! Мы *воруем* еду!

– Но мама говорила...

Рудик ударил меня еще раз, повалив на пол.

– А мне плевать, что там твоя мамаша говорила. – Он рывком поставил меня на ноги и встряхнул. – Твоей матери здесь нет, Мишка. Ты должен слушаться *меня*. И делать то, что я говорю, ясно?

Рудик тряс меня так сильно, что мне казалось, будто у меня вот-вот вывалятся зубы.

– Потому что если ты не будешь меня слушаться...

Какая-то полная женщина в куртке и коричневой шали бросилась к нам и замолотила Рудика по плечам и голове сумкой.

– Оставь ребенка в покое! – вопила она, лупя Рудика. – Хулиган какой выискался!

Рудик схватился за голову.

– Отвали от меня, старая дура! – орал он.

Я бросился бежать, юркнув в толпу и маневрируя среди всех этих ног, рук, курток. Добравшись до своей лавки, я прижался к вентиляционной решетке.

Глава 15

Облава

Теперь я вставал раньше, чем все остальные. Время я определял по первому свистку поезда. Я выбирался из-под лавки, когда на вокзал прибывал первый поезд. Все еще спали, свернувшись на газетах. Газеты были у них вместо простыней, картонки – вместо матрасов, а ноги и животы товарищей – вместо подушек.

Каждое утро Везунчик дожидался меня в том самом месте, где мы познакомились. Иногда он приходил один, иногда с Кляксой или Ушастиком – псом с порванным ухом. Мамуся не приходила ко мне, как и вожак стаи, пес дымчатого цвета, хотя я и видел его. Вожака я назвал Дымком. Дымок наблюдал за нами, смотрел, как мы греемся на солнце или у люков, смотрел, как я спрашиваю у прохожих, которые так торопились войти в высокие здания из стекла и металла: «Простите, у вас не найдется монетки?»

Дымок наблюдал за нами, его шерсть отливала то черным, то серебристым. Он смотрел, как я покупаю сосиски и хлеб или кости в мясной лавке. Часть монет я оставлял для Рудика. А потом, вечером, мы бежали в переулок, забирались в проем в стене, спускались в темный теплый подвал и пировали. Мы валялись на полу, играли в пятнашки, спали.

Иногда, когда я просыпался, дымчатый пес был рядом. Он наблюдал за мной. Я прощался с Мамусей, со щенками, с Бабулей, старой собакой, приглядывавшей за малышами.

– Завтра я принесу вам еще еды, – обещал я.

И каждый день Везунчик и остальные неслись со мной по улицам, через площадь, прямо к Ленинградскому вокзалу. И вдалеке от нас бежал Дымок.

Каждый вечер я отдавал Рудiku монеты. Каждый вечер он говорил, что этого мало. Неважно, сколько мне удавалось скопить, ему этого было мало.

– Копейки! – ворчал он. – Все, что ты приносишь мне, это жалкие копейки! – Рудик швырял мелочь на пол.

– Того, что я даю собакам, всегда хватает, – однажды пожаловался я Паше. – Они никогда не кричат на меня, не бьют меня, не обзывают. – Я потер ухо. Щека все еще горела после пощечины, которую влепил мне Рудик.

Паша пожал плечами.

– Так уж сложилось, Миш. Такая у нас жизнь.

Да, так все и было. До облавы.

«Уиии! Уиии!»

Проснувшись, я вскинулся и ударился головой о низ лавки.

Свист. Голоса. Суета. Какое-то мельтешение вокруг.

У меня сердце ушло в пятки. Я проспал первый поезд.

Я уже почти вылез из-под лавки, когда услышал крик. А потом кто-то произнес:

– Так, бомжи, крысы вокзальные, подъем!

Крики, грохот. Танин вопль: «Рудя, Рудя!»

Я забился под лавку, стараясь не высовываться.

Рядом с моей лавкой остановились высокие черные сапоги, начищенные до такого блеска, что я видел в них свое отражение.

Стук каблуков по мраморному полу – будто выстрелы.

– Хватай того малого!

Я зажмурился изо всех сил. Я гладил пуговицу.

«Уиии! Уиии!»

– Выметайте сор, – командовал владелец начищенных черных сапог. Он стоял всего в десяти сантиметрах от меня.

Кто-то, то ли Витя, то ли Паша, заорал:

– Оставьте нас в покое! Мы никому не мешаем!

Хрясь!

Чья-то голова ударилась о пол.

Я увидел, как Витина шапка пролетела по платформе и свалилась на шпалы.

Я гладил пуговицу.

И тут она выскользнула у меня из пальцев и провалилась в вентиляцию.

– Нет! – вскрикнул я, сунув пальцы за решетку.

– А тут у нас кто?

Кто-то схватил меня за ногу и потянул.

– Не-ет! – завопил я, цепляясь за решетку вентиляции и отбиваясь изо всех сил.

Охнув, владелец черных сапог ругнулся. Меня потянули сильнее. Один кроссовок слетел с моей ноги.

Меня перехватили за лодыжку и дернули. Я взвизгнул от боли – решетка врезалась мне в пальцы.

– Мама! Мама! – кричал я.

Жестокий смех.

Так смеялся он, когда сказал: «Мелкий какой, точно таракан».

– А мне тут живчик попался!

Как оказалось, высокие сапоги принадлежали мужчине в форме милиционера. Но он не мог быть милиционером. Мама всегда говорила, что милиция поможет мне, если я потеряюсь. А я разве не потерялся?

Я уже открыл рот, собираясь сказать об этом милиционеру, когда он плюнул мне в лицо.

– Ну и мерзкий же гаденыш!

Он забросил меня на плечо, точно мешок с картошкой.

– Приют по тебе плачет.

– Нет! – завопил я. – Опустите меня! Опустите!

Я заколотил по его спине кулаками, но он только рассмеялся.

Витя сидел на полу, зажимая кровавую рану на голове. Юля отбивалась от милиционера. Я увидел, как его дубинка с силой ударила Юлю по плечу.

Милиционер в начищенных сапогах повернулся, и мир вокруг меня закружился.

Он пошел вверх по лестнице. И тут что-то налетело на него. Вопящий, царапающийся, кусающийся дьяволенок.

Милиционер сбросил меня с плеча, и я ударился головой о ступеньку. Все вокруг стало серым, потом черным, потом опять серым. Я почувствовал, что падаю, падаю, падаю куда-то!

– Беги, Мишка, беги! – донеслось до меня.

Паша! Это Паша дрался на лестнице с милиционером! Милиционер уже повалил его на ступени и бил ногами, ногами в черных блестящих сапогах.

– Беги, Мишка, беги!

Я вскочил и побежал. Я оскальзывался, падал и поднимался вновь, но я бежал по лестнице, бежал наверх, бежал в мир за стенами вокзала, в мир, где только-только взошло солнце. Я бежал со всех ног, бежал в одном кроссовке. Я бежал до тех пор, пока свист, крики и вопли не утихли.

Я бежал и бежал по улицам, через перекресток, через площадь. Я был маленьким мальчиком, мальчиком пяти лет от роду, мальчиком в одном кроссовке, мальчиком с разбитым

лицом и окровавленными пальцами. Я бежал сквозь толпу, мчался среди всех этих людей. Я плакал. И никто – ни один из всех этих прохожих – не посмотрел на меня.

Наконец я добрался до знакомого мне переулочка. Они сейчас только просыпаются. Псы. Малыши сосут молоко. Клякса и Везунчик потягиваются, виляют хвостами. Ушастик напоследок еще раз прижмется к Бабуле, а затем встанет и отряхнется. Может, там будет и Дымок.

Я обошел здание и раздвинул траву. Они будут рады видеть меня. Я останусь тут, со стаей. Тут я буду в безопасности, и эти высокие черные сапоги, эти жестокие руки не настигнут меня.

– Везунчик, – позвал я, – это я.

Я спустился в проем.

Но никто не коснулся носом моей ладони, никто не принялся к моим карманам в поисках пищи. В подвале никого не было. Я услышал всхлип. «Щенки», – подумал я. Но потом я понял – это плачу я сам, а не щенки.

В подвале было темно и тихо, и только гулко стучало сердце в моей груди.

Стая ушла.

Глава 16

Тьма

Не знаю, сколько я пролежал там, во тьме. На вокзале всегда царил день, в подвале – ночь.

Я забрался в гнездышко из тряпок, где раньше лежала Мамуся и ее щенки, и закрыл глаза. Я помню холод. Помню боль.

Один раз я встал и отошел в угол. Там меня стошнило.

Но все это больше не имело значения. Не было пуговицы, которая подошла бы к красному пальто, потому что не было больше мамы. Никогда больше не будет красного пальто, потому что не будет мамы. Только бурое липкое пятно на полу.

А без мамы не будет и Мишки.

Глава 17

Дымок

Что-то теплое коснулось моей щеки. Еще раз. И еще.

Мне снились ангелы, теплые крылья, крылья, которые поднимут меня над землей и унесут прочь, как девочку со спичками.

Я вытянул вперед руки, чтобы ангелы подхватили меня и унесли. Но мои пальцы коснулись густого меха.

Открыв глаза, я прищурился. В проем в стене падал слабый свет. На меня глядели желтовато-янтарные глаза. Я запустил пальцы в дымчатый мех.

– Дымок, – выдохнул я.

Он вылизывал мне щеку и ухо.

А потом вздохнул и улегся рядом со мной. Прежде чем я успел спросить его о том, где вся стая, я уснул.

Что-то теплое и влажное коснулось моего лица. Я оттолкнул его. Оно вновь коснулось меня, теперь уже настойчивее. Я откатился в сторону.

– Оставь меня в покое, – прошептал я, закрывая глаза.

– Гав, – ответили мне.

Я подтянул колени к подбородку и закрыл лицо руками.

– Уходи, оставь меня в покое.

Фыркание. Что-то дернуло меня за ворот свитера.

– Я серьезно! – сказал я. – Уходи!

Меня схватили за ворот и оттащили от моего ложа из тряпок к центру комнаты, залитому светом.

– Эй, – пробормотал я, щурясь на солнце.

От этого у меня заболела щека. Сев, я ощупал голову. Половина лица распухла.

Рядом со мной стоял Дымок. Во рту он держал жирную сосиску. Бросив сосиску на пол, он отошел в сторону.

– Я не хочу есть. – Я отвернулся.

Пес подобрал сосиску и бросил ее мне на колени.

Я посмотрел на Дымка. В его взгляде светилась печаль.

– Ладно. – Стряхнув грязь с сосиски, я отломил кусочек. – Я съем немного, просто чтобы ты успокоился. А потом ты от меня отстанешь.

Я принялся жевать, стараясь как можно меньше тревожить больную сторону лица. Никогда еще я не пробовал чего-то настолько вкусного. Зажмурившись, я наслаждался великолепным ароматом. Я съел еще кусочек, и еще. Потом сосиска закончилась.

– Спасибо, Дымок. – Я открыл глаза.

Но пес уже ушел.

Кап. Кап.

Этот звук доносился откуда-то из глубины подвала. Я облизнул губы. Когда я в последний раз пил воду?

Я пошел на звук, пробираясь вперед на ощупь, спотыкаясь о коробки и задевая пальцами паутину. Наконец я нашел источник звука: из трубы, проходившей под потолком, капала вода. Я подставил под капли ладони. Понадобилось много времени, чтобы собрать достаточно воды. Когда я напился, то почувствовал, что очень устал. Добравшись до освещенной части пола, я свернулся клубочком и уснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.